

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНСТРУКЦИИ «Л-ПРИЧАСТИЕ + СВЯЗКА 1 / 2 ЛИЦА» В РУССКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ КОНЦА XVI в.

Соловьева Наталья Валентиновна

доцент кафедры языкознания и лингводидактики
учреждения образования «Белорусский государственный
педагогический университет имени М. Танка»;
кандидат филологических наук, доцент
(г. Минск, Республика Беларусь)

В статье проанализированы условия употребления конструкции «л-причастие + связка 1 / 2 лица», восходящей к древнерусской форме перфекта, в дипломатических текстах конца XVI в.; выявлены функционально-грамматические сходства и различия данной предикации и предикации «местоимение 1 / 2 лица + л-причастие».

В истории русского языка период XV–XVI вв. рассматривается как эпоха завершения процесса реформирования системы русских претеритов [2, с. 251], состоявшего в окончательном закреплении перфекта в качестве универсальной формы прошедшего времени. Трансформация грамматического значения перфектных форм сопровождалась изменениями формальными – утратой связки *быти* в наст. вр. При этом «устойчивое употребление разрушенного перфекта фиксируется довольно поздно. Тексты XIII–XIV вв. самых разных жанров все еще сохраняют традиционные аналитические образования перфектных форм, наряду с употреблением перфекта без связки» [2, с. 251].

Отмеченная неустойчивость выражения сохраняется у форм прошедшего времени, восходящих к древнерусскому перфекту, и в более поздний период. Так, например, в текстах русских дипломатических посланий конца XVI в., представленных в [3], [5], регулярное употребление л-причастия без связки отмечается лишь в формах 3 лица при выраженном подлежащем:

И государь нашъ, В.Г.Ц. и В.К. Федоръ Ивановичь, всеа Русіи, посла твоего принялъ и рѣчи его выслушалъ милостивно [3, 69, с. 354];

Приходили къ нашему царьскому величеству от Коруны Польское и от Великого Князства Литовского посланники [5, 32, с. 65].

Что касается форм 1 и 2 лица, то здесь в рассматриваемых текстах представлены как предикации «местоимение 1 / 2 лица + л-причастие»: *ты учинилъ*, так и предикации «связка 1 / 2 лица + л-причастие»: *еси говорилъ*. При этом и те, и другие представлены практически в равном соотношении (в [5], например, отмечены 132 и 133 соответственно), что, с одной стороны, вполне логично, поскольку в связи с трансформацией грамматического значения перфекта в не книжных текстах уже в XI–XIV вв. «формы *есмь*, *еси* (и т. д.) выступают исключительно как показатели лица (а не времени!), оказываясь синтаксическими синонимами личных местоимений» [4, с. 45]. С другой же стороны закономерно возникает вопрос о том, почему конструкции типа *еси говорилъ*, будучи функционально синонимичными конструкциям типа *ты говорилъ*, к концу XVI в. в текстах русских дипломатических посланий, где представлен приказный тип языка, все еще сохраняют свои позиции, хотя общая языковая тенденция для перфектных форм состоит в полном исчезновении связок к концу XVII в., в то время как «функция обозначения лиц глагола переходит от связок к местоимениям-подлежащим, которые со временем употребляются все шире» [1, с. 246].

Характерной особенностью языка русской дипломатии – как в текстах письменной корреспонденции, так и в записях устных посольств – в конце XVI в. является употребление конструкции «л-причастие + связка 1 / 2 лица» в начале основной части документа, непосредственно вслед за интитуляцией и инскрипцией:

*Брата нашего великого г(о)с(по)д(а)ра Стефана, Божю м(у)л(о)стю короля польского и великого кн(я)зя литовского, руского, пруского, жомоитского, мазовецкого, кн(я)жати седмиградьского и иныхъ, послу его пану Михаилу Богдановичу Гарабурде, кашталяну менскому, ответъ даемъ бояры нашими <... (перечисление)...> **Говориль еси** намъ от брата нашего от Стефана короля, на посольстве о нашей отъчине [5, 9, с. 22].*

Такая конструкция здесь выполняет роль своего рода скрепы, обеспечивая непосредственную связь того, что было ранее сказано / написано адресатом, и актуальной реакцией адресанта, что в полной мере соответствовало значению перфектной формы.

Эта функциональная особенность, вероятно, способствовала закреплению предикации «л-причастие + связка 1 / 2 лица» как структурообразующего элемента основной части русских дипломатических текстов с последующей ее трансформацией в формулярное клише: каждый тезис адресата вводится в ответный документ с помощью однотипной конструкции. Ср.:

*И в той грамоте **писали есте** ко г(о)с(по)д(а)ру н(а)шому, къ его царьскому величеству, не по прежнему обычаю <...>*

*А въ грамоте своеи к нам **писали есте** о том же деле, о зъезде на рубежь г(о)с(по)д(а)ра н(а)шого бояр болших и Пановъ Рад болших <...>*

*А што **писали есте** къ г(о)с(по)д(а)ру н(а)шому, къ его царьскому величеству, и къ намъ, его г(о)с(по)д(а)рским бояромъ <...> [5, 32, с. 68–69].*

При этом стоит заметить, что вне структурообразующей формулы в этом же документе л-причастие *писали* употребляется не со связкой, а с местоимением:

*штобъ г(о)с(по)д(а)рь н(а)шъ, великии г(о)с(по)д(а)рь царь и великии князь, тое дело, што **вы**, братья наши, **писали** въ своеи грамоте не по прежнему обычаю, оставиль [5, 32, с. 68].*

Важно обратить внимание и на то, что употребление «вежливых», «братских» и других типов номинаций, выполняющих конкретно-референтную функцию, в дипломатических посланиях конца XVI в. характерно лишь при местоимениях 1 / 2 лица:

*А **мы**, бояре господарские, никому ни о чем не посылавали [5, 11, с. 26];*

***ты**, **Жыкгимонт** король, послом своим даль полную науку [5, 66, с. 60].*

Однако в послании боярина Бориса Годунова английской королеве Елизавете употребление конкретизирующей номинации отмечается при связочном элементе:

***Прислала еси, государыня**, ко мнѣ свою жаловалную любительную грамоту съ посломъ своимъ, съ Елизаромъ Флечеромъ, <...> и **что еси, государыня, писала** ко мнѣ въ своей грамотѣ <...> [3, 69, с. 354].*

При этом стоит заметить, что «вежливая» номинация независимо от порядка элементов конструкции «связка 1 / 2 лица + л-причастие» занимает позицию только после связки и никогда – после л-формы, что сопоставимо с синтаксической функцией приложения в приведенных выше конструкциях «местоимение 1 / 2 лица + л-причастие» и является весомым аргументом в пользу не только функционального, но и грамматического тождества *ты / еси, мы / есмя (есмо)* и т. д.

Еще одной заметной сферой функционирования предикаций «л-причастие + связка 1 / 2 лица» в русских дипломатических текстах конца XVI в. являются стандартные документы с традиционно сложившимся формуляром, как, например, верительные грамоты. Ср.:

***Послали есмо** на съемъ на елекцыю Коруны Полское и Великого Князства Литовского пословъ своихъ великихъ <...> [5, 37, с. 79];*

***Послали есмо** к тебе, к **Жыкгимонту** королю полскому и великому князю литовскому, пословъ своихъ великихъ <...> [5, 65, с. 156].*

Таким образом, в русских дипломатических текстах конца XVI в. двучленные предикативные конструкции «местоимение

1 / 2 лица + л-причастие» и «связка 1 / 2 лица + л-причастие» вполне сопоставимы в количественном отношении. Однако несмотря на это, а также на развившуюся вследствие трансформации грамматического значения форм перфекта функциональную синонимию связок и личных местоимений, в употреблении рассматриваемых предикаций обнаруживаются существенные различия: в отличие от конструкций «местоимение 1 / 2 лица + л-причастие» конструкции «л-причастие + связка» в русских дипломатических текстах конца XVI в. используются в основном как обусловленные традицией устойчивые элементы формуляра.

Список использованной литературы

1. Зализняк, А. А. Древнерусские энклитики / А. А. Зализняк ; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – М. : Яз. славян. культур, 2008. – 279 с.
2. Маркова, Т. Д. Древнерусский перфект в аспекте реализации функционально-семантической категории темпоральности / Т. Д. Маркова // Вестник ЮУрГГПУ. – 2013. – № 1. – С. 247–259.
3. Толстой, Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией, 1553–1593 / Грамоты, собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым. – Санкт-Петербург : Тип. и хромолит. А. Траншея, 1875. – 563 с.
4. Хабургаев, Г. А. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке / Г. А. Хабургаев // Вестн. Моск. ун-та. Сер.: Филология. – 1978. – № 4. – С. 42–53.
5. Lietuvos Metrika. – Vilnius: Mokslo ir enciklopediju leidykla. – Knyga 594: (1585–1600) / Lietuvos istorijos institutas; parengė Algirdas Baliulis. – Vilnius : Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2006. – 300 p.